

... Хотите верить, хотите нет, вспомнились вашему покорному слуге события времен первой чеченской кампании. А причиной тому послужила фотография, которую обнаружил я, перебирая невесть куда запрятанные и без того немногочисленные фото тех лет...

На ней под автоперевязочной лежит свирепая с виду огромная кавказская овчарка. Белого окраса, густой шерсти, с большими темно-серыми пятнами на голове, спине и боках, по кличке Чен. Роста он был исполинского, в холке вровень с иными солдатами, про коих говорили «метр с кепкой», и лапы у него были с кулак немого Герасима, главного героя рассказа Тургенева... Его щенком подобрали наши предшественни-

ки, полковые медики в Грозном, и на веревке провезли упиравшегося несмышленища по трудным военным дорогам. Аж до самой вотичины полевого командира Басева, где над селом Ведено и стал наш полк. В походах Чен окреп, возмужал, заматерел и стал, собственно, той «собакой Баскервилей», что первой встретила нас по приезду в полк. Лазарет наш находился близ пункта хозяйственного довольствия, иначе столовой, так что недостатка в пище пес не испытывал. Кормить его пытались многие, однако сдружился он с нашим старшиной Уманским. Он был на голову выше самого Чена, стоящего на задних лапах, ну и заслужил искреннее собачье уважение. Проще говоря, почувял в старшине вожака стаи, коей

считал команду лазарета. Чуть завидев старшину либо заслышав его громкий голос, Чен мчался к нему, прижимая купированные уши и виляя крупом с обрубком хвоста. Он ластился и повизгивал от радости встречи, выказывая тем самым полную покорность и преданность долговязому сухому мужику. Сам же Уманский приседал с криком «Чен, сынок!», разводил в стороны свои длиннющие руки-весла и хватал его за шею, горячо приговаривал: «У, ти, мой маленький!..» И всегда угощал его чем-н-ть вкусеньким, как то бутерброд с добрым куском тушенки или даже колбасы...

Лазарет наш был обнесен спереди глубоким рвом, а за ним саперами был отсыпан земляной бруствер, спасавший брезентовые стены наших палаток от шальных пуль, весело посвистывающих и летающих бесцельно мимо. Временами их становилось до неприличия много, и без этого вала команде нашей было бы трудно оказывать помощь раненым, не думая о собственной безопасности.

Чен не любил взрывов и выстрелов, однако относился к ним философски, примерно так – пролетела, и черт с ней! Но при возникновении реальной опасности нехотя все же спускался в блиндаж и переживал обстрел и прочие неприятности. По его поведению можно было безошибочно определить серьезность налета. К тому ж, если там был Уманский, то последний открывал в полу блиндажа лючок, в котором как в холодильнике хранились яйца, сметана, сыр и колбаска для отощавших голодных бойцов, и непременно угощал своего четвероногого «сынку».

Уманский с удовольствием откидывался своей костлявой спиной на распутившуюся яркую зелень бревенчато-буковой стены блиндажа и с непередаваемым кайфом смотрел, как Чен уплетает очередной гостинец. Пес знал о тайнике, но никогда не позволял себе воспользоваться этим знанием.

Совсем другим становился он после 9-ти часов вечера, когда наступало время караульной службы. Минут за десять до времени «Ч» он шел в штабную палатку, смотрел программе «Спокойной ночи, малыши!», благо в горах принималась только эта программа, а потом с чувством собственного достоинства занимал самую высокую точку на бруствере, откуда и наблюдал за территорией медпункта всю ночь, не надеясь на солдат-часовых.

В это время он не ел, не пил, почти не отзывался на кличку и команды... Завидев либо учуяв незнакомого, он издавал негромкий глухой рык, всегда слышный старшине. Мы, кто первый слышал этот рык, выбегали из палатки и кричали: «Чен?!» Этого было достаточно, чтобы пёс потерял всякий интерес к проходящему... Если же мы не успевали подать псу этот сигнал или незнакомец продолжал движение, в конечном итоге он оказывался поверженным наземь, лицом в какую-нибудь колею (хорошо, если сухую) и без оружия. Ибо Чен просто вырывал автомат из рук, хватал за ствол и откидывал подальше. Делал все это он с необычайным проворством и легкостью, поскольку сам был трижды ранен и знал, что оружие – вещь опасная. После отъёма «ружья» Чен становился передними лапами на спину бойца, своим семидесятикилограммовым весом

лишая его возможности подняться, и оглашал окрестность победным лаем. Нам оставалось лишь приволоочь незадачливого нарушителя в палатку и, разобравшись, кто такой, откуда-куда-зачем, проводить за границу поста.

И когда на очередном «разборе полётов» начштаба полка, не стесняясь в выражениях, комментировал очередные результаты проверки караулов, Чен непостижимо оказывался на этих разборах, и казалось, светился гордостью, когда начштаба говорил: «Только к медслужбе нет претензий, раз-так вашу! Там Чен всю службу тащит. К ним вообще до утра не зайти! Порвет!» В общем, с тем, что всю караулку Чен добровольно взял на себя, мы были безмолвно согласны с начальником штаба.

Очень любил Чен ездить на БМП, в рейды. Надо ли было встретить колонну с продовольствием либо проехать по блокпостам, старшина всегда просил водителя заехать за Ченом. И вот представьте картину: к медпункту на скорости 50-60 километров в час подлетает БМП с воинами на броне. Уманский хватает одной рукой фельдшерскую сумку, другой бросает на броню старый ватный матрас для «мягкости»... а Чена звать уже и не надо! Он занял место за башней и для Уманского тоже... Через минуту машина исчезала за столбом, казалось, никогда не оседающей пыли. К исходу дня наши герои так же неожиданно возвращались, только обильно покрытые этой самой жирной жёлтой пылью.

Обыденный ритм жизни притупляет остроту присутствия на войне. Поэтому в тот раз мы и не заметили, как наши друзья в очередной раз отбыли на броню на задание.

... Далее мне пришлось живописать со слов старшины. Поскольку второй друг, даже если и что-либо поведал на своем собачьем языке, вряд ли бы мы узнали об том, любезный читатель. А произошло следующее.

Наш командир получил по рации от соседей просьбу о помощи. Батальон просил помочь продовольствием, у них, кроме соли и перловки на два приема больше ничего не осталось. А учитывая нерегулярность, да и скудность снабжения в горах, с сожалением констатирую, что это есть большая проблема для небольшой воинской части! Они стояли за горой, через ущелье, вне зоны видимости. Колонну с продуктами ждать еще неделю, и наш командир решил отправить им пару грузовиков с провизией в сопровождении группы огневой поддержки. А в группе – ясное дело, должен быть медик! С ним-то и направился наш старшина со своим лохматым другом.

Ехать было недолго, минут сорок вокруг горы Эртен-кош. Дорога шла по гребню холма и лишь пару раз спускалась и петляла по ущелью, повторяя путь небольшой горной речки. Лето было относительно сухое, и реку можно было перейти, не замочив колен. Вот переехала реку и пошла на подъем первая БМП с пехотой на броне, далее два «Урала»... А по последней, еще не выехавшей из реки машине пехоты, вдарил снаряд от гранатомета, но, видимо, из самодельной трубы! Это-то и спасло водителя и экипаж. Видимо, у стрелявшего духа дрогнула рука, снаряд ударил в башню по касательной и ушел круто вверх, взорвавшись на высоте. Однако сидевших на броне раз-

метало и осыпало осколками. Завязался скоротечный бой. Первой машине повезло меньше, она вспыхнула, слетела гусеница, но механик успел выскочить из горячей машины, прежде чем рванул боекомплект... Наши ребята были зажаты между пылающей и стоящей техникой и крутым склоном, забираться на который не имело смысла, а огонь велся из зеленки, что росла вдоль правой стороны дороги. Почти кинжальный огонь... Уманский, прошедший Афган, понимал, что прятаться под техникой нельзя, и чтобы осмотреться, залег за крупный валун на левой стороне дороги.

В пылу событий он совсем позабыл про Чена. Старшина громко позвал его и увидел пса, вытаскивающего из реки за шиворот солдата, похоже, оглушенного. Ну совсем, как в медпункте, при задержании постороннего. Только Чен не встал на него, а упорно тащил раненого к Уманскому...

Вдруг в грохоте боя старшина услышал причитания и всхлипывания: «Мама, мама!..» Он обернулся и только сейчас заметил в ямке сидящего на земле молодого парнишку, держащего за ствол автомат. Лицо его было посечено мелкими осколками, глаза закрыты, и только по шевелению губ можно было понять, что парень в сознании, но скован сильным страхом...

– Ты что же, сукин сын! Тебе Родина оружие доверила, а ты? – вывел парнишку из оцепенения рвущийся голос старшины.

– А я не знаю, куда пулять, товарищ старший прапорщик, – ответил солдат, приходя в себя.

– Давай, сынок, «пуляй», как я! По зеленке... над дорогой! Корот-

кими очередями! Только ниже не бери, а то всю корму мне разворо- тишь!

И старшина выстрелил по кустам, откуда велся огонь, трас- серами из своего автомата. Затем он быстро пополз к раненым, лежащим на дороге за БМП. Приведя парой пощечин в сознание одного, вкатив промедол и перевязав ему прострелянную ногу, Уманский отправил его ползти за камень. А сам добрался до второго. У второго дела были похуже. Тяжелая контузия, баротравма, кровь из носа и ушей. Этого пришлось тащить за камень на себе. У «маменькиного сынка» кончились все патроны, и о прикрытии не могло быть и речи. Тогда Уманский отдал ему боекомплект раненого и свой, а сам, взяв пару лимонок, пополз к следующему сынку, слабо подающему признаки жизни. Когда старшина в крови и пыли свалил его с себя за валуном, то обнаружил там четвертого бойца, которого Чен притащил на перевязку. Вид у пса был деловой и сосредоточенный. Он лишь раз неспешно облизал кровь с лица старшины, как бы говоря, «на, перевязывай!» Оказав помощь, Уманский снова было ринулся за подбитый БМП. Но боец Либерман с разбитой головой очнулся и сам дополз до них. Так что нужно было только его перевязать. Не хватало еще троих, найти бы их! Но они дали знать о себе стрельбой длинными очередями по тем же кустам.

И тут у старшины зашипело и забулькало в кармане радио «уоки-токи»! Он разобрал только несколько слов командира группы, где-то выше стрелявшего по духам.

– Через три минуты... кроко- дилы... огонь... в укрытие!

– Ни хрена, себе... В укрытие! ...Куда ж тут спрячешься? Огонь будет по зелёнке в пятнадцати метрах от них! Вверх по склону – круто, да и перебьют всех, как тараканов на стенке! Сверху из-за горы послышался рокот боевых вертолетов и характерное хлоппанье лопастей снижающихся машин, заходящих на круг.

И тут вторая БМП вдруг завелась, изрыгнув порцию сизого дыма и проскрежетав, стала между зеленой и валуном... Решение пришло само собой!

– Все в машину! – скомандовал старшина и не услышал свой голос. Грохот первых разрывов НУРСов заглушил его. Они сидели и лежали в трясущейся бронемашине, осколки снарядов пели в воздухе и молотили по броне совсем рядом. Через три захода все было кончено. Наступила оглушительная тишина.

– Как там наши, кто не успел. Сколько двухсотых? – подумал старшина и не заметил, что сказал это вслух, чтобы перебить громкий бешеный стук своего сердца. Они открыли двери десантного отделения и не узнали местности...

Лес справа от дороги был скошен, словно гигантской косой... зарослей не было! Теперь с дороги открывался чудесный вид через ущелье на восточный краж, пылающий закатными красками. Пара розовых облаков на чистом небе предгорья дополняла идиллический, никак не вяжущийся со всем только что произошедшим пейзаж.

– Ну вот и отстрелялись, пулемет пустой, бля... – сказал неведомо кому механик-водитель БМП по кличке Вжик, вылезая из люка. Уманский вздохнул полной

грудью чистый горный воздух, открыл флягу, отхлебнул и передал её раненым.

– Спасибо тебе, Толик, – сказал он водителю, – если бы не ты и не точная стрельба летунов, много было бы фарша для Чена!.. Чен, ты где? Чен!

– Здесь мы, – раздался голос из-под бронемшины, а следом в тишине все явственно услышали тяжелый, нечеловечий вздох... Внутри у старшины что-то оборвалось, он медленно опустился на корточки и так же медленно, как бы готовя себя ко столько раз виденной непотребной жути, заглянул под брюхо БМП. Камни не впитывают кровь...

В огромной луже крови, под машиной, в обнимку, недвижно лежали радист Караев и Чен. Правой ступни у Караева не было. Рана не кровоточила... Сам же солдат был полностью прикрыт огромными левыми лапами собаки. Чен своим подголовьем прикрыл голову солдата, будто Караев был его лучшим другом. На морде пса застыла умиротворенная оскал-улыбка, выражавшая чувство выполненного долга. До старшины не сразу дошло, что при таком ранении столько крови не бывает...

Их вытаскивали вместе.

– Вертолеты начали косить зелень... я спускался к вам... товарищ старший... прапорщик... и споткнулся... Смотрю... а стопы то нет... Не дополз бы... а тут Чен... меня... под машину и затащил... Только я вколочил... в ногу шприц... справа, Чен меня как обнимет!.. Как чуял... братан...

А после мне так тепло стало, пригрелся я и в отруб... А Вы Чена позвали и разбудили нас. Нет... меня... одного... прости... – про-

изнес Караев, обращаясь то ли к старшине, то ли к собаке... Сзади весь камуфляж его был в крови.

– Чен, сынок, маленький мой! – в горле Уманского застрял ком. Он взял в руки голову пса, положил ее на колени и заплакал. Словно предвидя близость финала, Чен лизнул сухую, в запекшейся крови ладонь старшины и последний раз тяжело вздохнул...

– Выходит, он не только телом тебя прикрыл, а ещё и кровью согрел, – сказал Вжик, – двоих спас, братишка! А вот и наши!

Услышав грохот боя, с батальона пришло боевое подкрепление. Один грузовик разгрузили, застелили ветками и на нем всех раненых отправили к нам в полк. С ними же привезли и Чена.

Когда Уманский вылез из кабины, боль утраты была написана у него на лице. Таким мы его еще не видели. Чена зарыли на краю обрыва, над ущельем, старшина трижды выстрелил в воздух. Этим

он отдал дань не только памяти солдату, спасшему и прикрывшему собой раненого, но и дань бескорыстной любви бесстрашному четвероногому другу-санитару. Он долго еще сидел на краю обрыва, склонив голову над холмиком с лежащей на нем каской. Мы не стали тревожить его. Утром рядом с каской на холмике появилась небольшая плита из куска брони, а на ней надпись, оставленная газовой горелкой...

Много воды утекло с тех пор, а я не могу заставить себя проехать «по местам боевой славы». Слишком свежо все это. Слишком близко ... Может, кто-то потом и побывал в тех краях Веденского ущелья, видел тот холмик с железной плитой, на которой ещё можно различить покрытую ржавчиной надпись: «Чен – пёс войны. Погиб героически 26.06.1996 г. спасая раненых».

Поклонись за меня, читатель... Быть добру!